

Алена Ушакова

Ангел смерти

Рассказы

Алена Ушакова

Ангел смерти. Рассказы

«Издательские решения»

Ушакова А.

Ангел смерти. Рассказы / А. Ушакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832045-3

В книге восемь рассказов и... восемь историй, восемь вопросов. Как встретиться двум половинкам, если они разминутись во времени? Что есть смерть и кто станет твоим проводником? Ждет ли землян Марс? Открой книгу — и найди ответ...

ISBN 978-5-44-832045-3

© Ушакова А.
© Издательские решения

Содержание

Ангел смерти	6
Анастасия	13
Беседка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ангел смерти
Рассказы
Алена Ушакова

© Алена Ушакова, 2016

ISBN 978-5-4483-2045-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангел смерти

– ...Так кем Он был? Я не знаю. Я, вообще, мало, что знаю. Я не сильна в философии, и во всех других науках тоже. Я ничего не читала о подобном. Я и не читаю почти ничего, кроме блогов в Интернете, глянцевого журналов, которые мы с девчонками шумно обсуждаем в курилке, или красочных проспектов, что читаю, когда сижу в очереди к своему мастеру в парикмахерской за углом. Я не люблю читать, не научилась в детстве. Окончила техникум и вперед – во взрослую жизнь. Мне никто никогда ничего подобного не рассказывал. Баба, хоть и была набожной, в церковь меня с собой никогда не брала. Почему? Отцу, который свою тещу по определению недолюбливал, это не нравилось.

Вчера вечером после работы я зашла в Свято-Архангельский собор, в тот, в котором... Ларису отпевали. Отец Сергей узнал меня, оторвался от служившей в церкви подслеповатой толстой девушки в черном платке и старушечьих чулках, которую распекал за что-то, подошел, руку мне на плечо положил, подвел к какой-то иконе. Много говорил, я не все поняла, что-то о том, как надо горе переживать, свечу за упокой подруги велел поставить. Долго так со мной стоял. А я снова плакала и наблюдала, как свеча горит, потрескивает и тихонько оплывает, и все решалась начать говорить. Хотела отцу Сергию рассказать о Нем, спросить, что все это значит, но так и не смогла, поэтому рассказываю вам.

Это лето у меня сразу не задалось. С Витькой поцапались из-за какой-то ерунды и разбежались – я к маме, он в рейс. Думала, вернется, все будет как прежде, а его все нет и нет, и не звонит. А я первая не хватаюсь за трубку принципиально.

Лето меж тем в разгаре. Все девчонки знакомые с приятелями на югах, кому повезло – за бугром, кому не очень – в Сочи. Замучили вопросами: «А ты чье побережье осчастливишь своим дефиле в купальнике?» Что тут ответить: купальник суперский есть, фигура «закачаешься» – как будто тоже, не зря в управлении числюсь одной из самых красивых, и на банкетах-совещаниях именно мне доверяют подносы с водочкой и шампанским важным людям подносить, а на юга поехать не с кем. Ну, конечно, если очень захочется, можно подмигнуть, и какой-нибудь богатенький папик обязательно подвернется, хоть из нашего управления, хоть с улицы. Но «так» что-то не хочется. Может, лет через ...надцать, если материны предсказания типа «чего роешься, никогда замуж не выйдешь» сбудутся, наверное, озабочусь поиском папика. А сейчас рано, молодая еще.

И тут Лариска на свою беду подвалила. Ей, что в это лето, что в прошлое, не выбирать – на юга или с подругой, или никак. А Витька все не звонит. Ну, я и согласилась. Без Витькиных вложений на мою копеечную зарплату и материну пенсию не разгуляешься, и поехали мы с Лариской, только не смейтесь ...в Адлер. Да-да, в Адлер, и именно поехали, а не полетели. «Вот, гад, только заявись, – думала я о Витьке, глядя из окна купейного вагона на начинающую полосу черноморского побережья, – я тебе этот отпуск припомню, ты мне заплатишь...»

Устроились, правда, неплохо – частная гостиница, уютная, почти роскошная, до моря пять минут. Ну, и все черноморские радости. Море прелестное, голубое-голубое, прозрачное (каждая галечка видна), теплое, разве что не кипяток, медуз мало. Заплывешь за буйки, так что люди с берега букашками кажутся, перевернешься на спину, закачаешься на волнах и говоришь себе: «Я синяя морская звезда!» Почему синяя? Да, потому что купальник у меня синий. Благодать-то какая! На пляже публика – так себе. Но мое дефиле, конечно, удалось на славу, кто бы еще сомневался? Но все не в радость. Впрочем, о чем я? Я вам совсем не об этом, не о радостях пляжных хотела рассказать. Теперь это все пустое, эти летние впечатления ни к чему...

Он появился за несколько дней до нашего отъезда, да, совсем не задолго, дня за три-четыре. Я про себя с досадой отметила: «Эх, где ж ты раньше был, нам скоро в поезд, какой тут

курортный роман?!» Высокий, как в сказках рассказывают – косая сажень в плечах, огромный, но при этом изящный какой-то, детиной или громилкой такого не назовешь. Волосы пострижены коротко щеточкой. Загореть и обветриться где-то уже успел. Глаза голубые и многозначительные какие-то. Дерзким и самоуверенным он мне в первый момент показался. Лет ему было, может, и тридцать, а, может, и сорок. А с ним два мальчишки лет пятнадцати.

– Смотри, Наталья, – сказала мне в то утро Лариска, – многодетный папаша в соседний номер заселяется.

Мы с ней жили на отшибе, в люксовом номере на пятом этаже гостиницы, на который добраться можно было только по дубовой винтовой лестнице. На нашем лестничном пролете и было только два люкса, один большую часть времени пустовал. Свобода, раздолье! Вот мы с Лариской и радовались этой свободе. А тут неожиданные соседи... Пацаны – такие же молчаливые, обжигали таким же пронзительным и внимательным взглядом, как у него, когда приходилось сталкиваться с ними в коридоре или на винтовой лестнице.

Я его потом спрашивала: «Неужели эти мальчишки – твои сыновья?» Молод, кажется, для такого отцовства? А он спустя паузу, очень медленно и, как всегда, задумчиво отвечал: «Не сыновья. Ученики».

– Да, понятно, тренер он, – уверенно утверждала всезнающая Лариска, – на море спортивных тренировать привез.

– Ну, и где они тренируются? Что-то не заметно, – возразила я.

Лариска пожала плечами. А удивляться было чему. Днем до обеда, когда весь гостиничный люд, отзавтракав в местном кафе, тянулся на пляж, чтоб загорать по правилам – до полудня, они номер не покидали. Выходили только к обеду, потом куда-то пропадали, но на пляже мы их ни разу не видели.

– Хм, они, наверное, на дикий пляж ходят, – предполагала любопытная Лариска.

Потом, растянувшись на кровати, она пространно рассуждала, каким именно видом спорта они занимаются, и почему прошлой ночью в комнате соседей не гас свет. Мне это, в конце концов, надоело. Странности соседей – их личное дело, при чем тут мы?

– Как при чем? – удивилась Лариска, – я же о тебе беспокоюсь.

– Обо мне? – я чуть с кровати не упала.

– Конечно, о тебе! У тебя же с ним роман предполагается, а не у меня, – как всегда со знанием дела продолжила подруга.

– Да, с чего ты это взяла? – я, честное слово, чуть не покраснела. Мысли она мои читает, что ли?

– Вы же похожи друг на друга.

– Похожи? Мы? Я и этот шкаф накачанный?! Ну, Лариска, ты явно сегодня на солнышке перегрелась! – вспыхнула я.

– Да никакой он не шкаф. И похожи вы совсем не внешне.

– А как же?

– Не знаю как, только похожи и все. Не веришь, твое дело, – обиделась Лариска, отвернулась от меня к стенке и накрылась простыней с головой. Тихий час – святое дело.

Вот и пойми ее. Я соседу еще даже и не думала улыбаться, а она уже усмотрела в нас родственные души. Но, как ни странно, подруга моя, в мужчинах в действительности совершенно не разбирающаяся (старая дева – что может быть страшнее такого призвания?) на этот раз оказалась права. Потянуло нас друг к другу со страшной силой. События развивались с бешеной скоростью. Оно и понятно, в нашем распоряжении было всего ничего.

Не буду рассказывать о первом шаге и первом слове, о первой уловке и первом предложении оказаться рядом. И о прогулке у моря при Луне я вам тоже рассказывать не буду.

Только не подумайте, что я так Витьке мстила или пополняла трофейный список, который потом, по осени – на исходе лета, предъявляют продвинутому подругам, не в пример Лари-

ске. Может, в начале так и было, а потом... Да, я снова не о том, я не о романе, я о Нем хочу рассказать.

Я – не пацанка начинающая, он был не вторым после Витьки и даже не третьим... Но с ним сразу все было не так, как раньше. Не странно, а необыкновенно, не хорошо, а... прекрасно.

Иногда ночью, когда просыпаюсь в одинокой постели, мне снова чудятся его губы на моей разгоряченной соленой коже, его небритая щека на моей щеке. Я чувствую свои руки в его руках, и мне кажется, что наши тела – вновь единое целое. Мне мнится, что, наконец-то я – это я, вся, целая, а не осколок разбитой чашки... Я – почти совершенная, такая, какая и должна быть, я – живая... Не умею это правильно объяснить.

Я опять не о том, я о другом, я о наших с ним разговорах должна рассказать.

Как сейчас вижу, он сидит ко мне спиной и швыряет гальки в серебрящиеся в лунном свете волны.

– Какое оно... – Неспешно и тихо, будто сам с собой, говорит, – я и забыл, какое оно... море...

Он оборачивается, и на его лице я вижу счастливую улыбку. Это странно, я уже знаю, что он почти никогда не улыбается.

– Мы здесь всего на три дня, – продолжает.

Я лежу на пляжном полотенце и почти сплю.

– А что потом? Двинете в Абхазию? Туда сейчас все едут, – шепчу в ответ, не открывая глаз.

– В Абхазии я уже был.

Я открываю глаза и теперь вижу, как в болезненной усмешке искривилось его лицо.

– В Абхазии я уже был, – повторяет он, – семнадцать лет назад. Когда истекут эти три дня, мой отпуск закончится.

– Такой короткий отпуск? – удивляюсь я.

– Это самый длинный отпуск, – он усмехается. – Отпуск в награду, единственный за семнадцать лет службы.

– Ты военный? – Осмеливаюсь полюбопытствовать я, а сама бросаю взгляд на грубый белесый шрам на его бедре.

– Я был военным... семнадцать лет назад, – после длинной паузы отвечает он.

– А это... – Он замечает мой взгляд и вновь грустно усмехается. – Это моя память о Гаграх.

– Ты отдыхал в Гаграх?

– Я там воевал...

И он рассказывает мне о войне. Зачем? Правда, странная тема для беседы мужчины и женщины? «Разве на свидание зовут для того, чтобы говорить о смерти?» – с досадой вздыхаю я.

– ...Пустые глазницы домов еще помнят меня...

Я слушаю, согласно киваю головой.

– Я что-то слышала об этой войне.

– О войне не слушают. И что ты могла слышать, если тебе было тогда всего семь лет?

«Получается, он знает, что сейчас мне двадцать пять? Откуда?» – неприятно поражаюсь я.

– Грузины воевали с абхазами? Зачем? – спрашиваю.

– Люди воевали с людьми, люди убивали людей, и убийство называли войной, – как-то странно сказал он, я не поняла, что он имел в виду.

– А ты как там оказался? – спросила.

– Там было немало русских добровольцев, я был тогда совсем мальчишкой, бесстрашным и бесшабашным, – тихо сказал он, а после паузы добавил, – а где только не воюют русские мальчишки, где только не находят вечный покой...

Меня уже тяготил этот разговор, хотелось отвлечь его от тяжелых воспоминаний, но я не знала как. Просто приподнялась на локтях и поцеловала в губы.

Потом мы бросились в ночное море, а когда плеск волн утомил, и поцелуи на время прервались, он вдруг сказал:

– Мы должны были встретиться с тобой четыре года назад.

– Почему именно четыре? – удивилась я.

– Четыре года назад я должен был приехать в Н... – И он назвал мой родной город, хотя я точно помню, что не говорила ему, откуда родом.

– И что помешало?

– Я уже говорил. Семнадцать лет назад меня призвали служить... И не случилось. Ты в моей жизни не случилась...

Он снова говорил загадками, я ничего не поняла. Не военный, а «призвали служить»? Как это я «не случилась», если мы сейчас вместе? А мы вместе? Но сегодня о завтра не думаешь, и о том, вместе мы или нет, тоже. Нам хорошо сейчас, в эту минуту, и это все, а дальше я никогда не загадываю.

Последнюю ночь перед моим отъездом мы провели в его номере. Мальчишек не было. Он как-то странно объяснил их отсутствие: вроде, готовятся к какой-то службе, я опять не поняла. Что сказать о той ночи? Наверное, у каждого такое бывает? ...Или нет? У Лариски не было и уже не будет. И точно знаю, у многих моих подруг *так* не было и никогда не будет. И у меня *так* не было ни с кем, только с ним.

– Вы как две половинки одного яблока, – сказала как-то Лариска, я отмахнулась от нее, надоела со своими романтическими рассуждениями. Спасибо, хоть нотации не читает, и вопросы лишние не задает.

Но той ночью мне вспомнились ее слова... Когда за окном вызревало раннее южное утро, мы, не сомкнувшие с вечера глаз, прощались. Надо сказать, очень странно прощались. Он взял мою голову в ладони, поцеловал словно отец в лоб и сказал:

– Живи счастливо, моя девочка!

Уже у двери я не выдержала, обернулась:

– Может, хоть номер мобильного дашь...

Он усмехнулся:

– Такого не держим.

На вокзале утром эта последняя фраза терзала меня не меньше, чем Лариска со своей суетой и моими чемоданами.

– Да, не беспокойся ты. Вот этот молодой человек сейчас поможет нам загрузиться в вагон. Молодой человек, ведь, вы поможете двум симпатичным девушкам?

Парнишка, попавшийся мне под руку, расплылся в улыбке, еще бы, его заметила такая красавица! И неважно, что красавице просто нужен бесплатный носильщик. Она разрешила целых две минуты посидеть рядом с ней в купе, пока ее суетливая подруга не завопила:

– Молодой человек, спасибо вам большое, спасибо, но поезд скоро тронется.

Когда за «молодым человеком» закрылась дверь купе, Лариска попыталась оторвать меня от окна.

– Ждешь, что он придет?

Я бросила на нее грозный взгляд, и она принялась усердно рыться в своем чемодане. Затем шумно открылась дверь, пришли новые попутчики – молодая женщина с девочкой лет четырех. Лариска радостно принялась знакомиться и обмениваться впечатлениями.

А я все ждала, что он придет. Почему-то верилось, что он будет с букетом цветов. За этот скоротечный роман он мне так ничего и не подарил, кроме моря, ночи и поцелуев. Наконец, поезд резко дернулся и тронулся в долгий путь. Прочь от моря, от солнца, в нашу дождливую и холодную глухомань, прочь от любви, прочь от него... А он так и не пришел.

Днем под стук колес и крики детей, носившихся по коридору, я уснула. Не помню, что мне снилось, наверное, ничего. Когда я проснулась, дверь купе была открыта, попутчики изнемогали от жары и духоты. Наша самая маленькая соседка капризничала и плакала, мать уже не имела сил успокоить ребенка. Моя подруга жаловалась, что ее голова сейчас расколется на части. А меня вдруг резанула мысль: «Это что? Меня отшили, бросили второй раз за это лето? Как еще понимать его поведение?» Поезд резко мотнуло на повороте, задребезжали стаканы, заволновались соседи, а у меня вдруг сжалось сердце. Теперь я думаю, это было предчувствие.

Поезд мчал нас все вперед и вперед, задавал четкий ритм, укачивал, убаюкивал и успокаивал, казалось, твердил без конца: «Все пройдет, все пройдет, все пройдет...» Я подумала, что, когда сойду с поезда на вокзале родного города, этот адлерский роман покажется мне сном, а через несколько недель и совсем забудется. От этой мысли стало легче. А за окном уже хозяйничала ночь, и до того мига, который поделил жизнь всех в этом поезде на «до» и «после», оставалось совсем ничего.

Вы, наверное, видели сюжеты об этом террористическом акте в новостных передачах центрального телевидения, броские блоги «Новый террористический акт на юге России», статьи в прессе под такими же заголовками. К счастью для меня, я этого не видела. Мать потом рассказывала, девчонки на работе спрашивали. Говорили, что движение на этом участке железной дороге восстановили на удивление быстро, а расследование взял под личный контроль премьер-министр. И вскоре выяснили, что взрывное устройство на рельсах установила восемнадцатилетняя девочка – вдова чеченского боевика. Многие говорили... Сюжеты в новостях мелькали каждый день почти неделю, пока новый теракт или новая крупная техногенная авария не сменила нашу тему в ежедневных сводках боевых действий на территории нашей мирно живущей страны... К счастью для меня, я ничего этого не видела.

И, если вы попросите рассказать, как это было, я не смогу. С тех пор, как меня выписали из больницы, и мать привезла меня домой, в наш город, ко мне неоднократно обращался ваш брат журналист, просили дать интервью. Я всем отказывала. Вы первый, кому я ответила согласием.

Так вот, если вас интересует, как все это произошло, я вам абсолютно бесполезна. Из моей памяти совершенно стерлось, что я и мои соседи по купе делали за минуту, за секунду до взрыва. Наверное, все спали? Может быть, ведь, был третий час ночи. Не помню, поняла ли я, что это был взрыв? Не знаю. Но, если вам важно понять, что чувствует человек, оказавшийся в самом пекле, внутри этих боевых сводок, по ту сторону экрана телевизора, то это ко мне...

Помню дикий скрежет металла, чудовищный звук разрыва, перелома, как будто какой-то огромный металлический монстр, в одночасье порванный пополам, плакал от обиды. Еще звуки падений, как будто десятки яблок сорвались с веток и градом посыпались на землю. Кажется, я сама упала с верхней полки. Как я потом узнала, взрыв произошел под соседним вагоном, его сразу разнесло на куски. Остальные вагоны сошли с рельс, наш перевернулся и упал в стороне от железнодорожного полотна. Основная часть состава уцелела, именно из этих вагонов ринулись смельчаки на помощь пассажирам обрушенных вагонов. Я этого не помню, как не помню криков отчаяния соседей и спасателей, прибывших оперативно, через каких-то двадцать минут (рядом оказалась станица), не помню людей, которые оказывали мне первую помощь, не помню врачей «Скорой помощи». Но полет нашего вагона, его кульбиты запечатлелись в сознании навсегда. Потом скажут, что именно такое падение и стоило жизни большинства пассажиров. Не знаю...

Я закрываю глаза, и эта ночь снова со мной: дикий скрежет металла, десятки яблок, падающих наземь, и острая нечеловеческая боль. Она как сверхновая звезда мгновенно взрывает все мое тело, мой позвоночник – ее основной стержень. И какой-то смешной вопрос, застрявший в мозгу: «Это все происходит со мной?!» И все это – в одно долгое мгновение. А затем боль исчезает, как будто и не было. На долю секунды, но только на долю, я чувствую себя раздавленной под монолитной плитой (как потом оказалось, под продавленной крышей вагона и дверью купе). А потом – тишина.

Нет ни скрежета, ни движения, яблоки упали и умерли, боли больше нет, а есть странная, удивительная, небывалая легкость и... музыка, задумчивая и сентиментальная. Я легко, без посторонней помощи выбираюсь из-под обломков вагона, удивленно оглядываю себя. Ничего себе! Ни царапины, ни пореза на голых ногах, которым защитой были только шорты. Ищу глазами Лариску, а вот и она, помогает подняться с земли и избавиться от осколков стекла в волосах нашей соседке. Та держит на руках четырехлетнюю дочь, которая еще не успела проснуться. Следом идет молодая пара из соседнего купе, а за ними шестилетний мальчик, который днем кричал и топал в коридоре громче всех, и другие пассажиры, их много. Все целы. И вдруг мой взгляд натывается на Егора. Да-да, на Егора – одного из мальчишек, бывших с Ним, одного из учеников.

Я замираю, я не знаю, как это описать. Где-то слышала выражение – глаза горят как уголья, вот это про него. Волосы, раньше аккуратно причесанные, теперь развеял ветер. Но не это самое главное – два мощных белых крыла вырастают за спиной юноши и достигают земли, на белых одеждах – перья и птичий пух. Так вот из какого гнезда ты, мой птенчик!

Егор не видит меня, он спешит к Лариске. Та с неохотой отрывается от соседки, поднимает голову и смотрит на лик ангела. Он бережно берет ее за руки. Они смотрят друг другу в глаза. Она что-то говорит, он согласно кивает, потом он говорит, а она... плачет.

– Лариса! Лариска! – кричу я и хочу бежать к подруге, но ноги не слушаются.

Ангел расправляет крылья, огромные белые опахала, один взмах, и он взмывает ввысь, держа Лариску за руку. А небо, в которое они устремились, совсем незнакомое. Не звезды, а странные облака, невообразимые перистые образования, похожие на крылья ангела, вижу я на небе. Если приглядеться, можно сравнить их с пирамидами или конусами, нет, скорее с уходящими в бесконечность трубами.

– Это туннели Вечности, – тихо говорит Он, следя за моим взглядом.

Я отрываюсь от неба, смотрю на Него, неизвестно когда оказавшегося подле меня, и небо опускается вслед за мной в бесконечную синь его глаз, в горящий решимостью и мужеством лик Ангела смерти. В руках его длинный серебряный меч ночи, одежды не столь белоснежны, как у ученика, и два огромных крыла не белеют, а отливают багрянцем. Я оглядываю Его с удивлением и почему-то спрашиваю:

– Ты не похож на Егора... своего ученика?

– Конечно, не похож, – шепчет Он, – он принял смерть невинным, а мои руки в крови...

– Это и есть твоя служба? – догадываюсь я.

А в это время высоко в небе в белоснежный туннель Вечности, резко взмахивая крылами, с четырехлетней девочкой и ее матерью на руках, ныряет Максим, второй ученик.

– Ты плачешь? – теперь удивляется Он. – Возрадуйся, их души безгрешны, и светлые ангелы сопровождают их в небо. Невинного ждет невинность. Смотри!

От взмаха его крыльев поднимется ветер, громовым голосом призывает Он мужчину, того, что с молодой женой ехал в соседнем купе. Тот падает на колени и закрывает в отчаянии голову руками, рядом падает ниц его жена. Меч Ангела озаряют молнии, взмах руки, гром... Я закрываю глаза и зажимаю ладонями уши. А когда открываю, вижу, как Он взмывает с неподвижными телами мужчины и женщины ввысь и влетает в другой тоннель. Из соседнего появляются один за другим его ученики, вот они снова на земле. Егор задает вопросы нашему про-

воднику, Максим успокаивает мальчика, затем почти одновременно они взмывают в небо. Я снова закрываю глаза, я теперь совсем бесчувственная, я жду своей очереди, но не знаю, как надо ждать, о чем нужно думать *перед* смертью, то есть сразу *после* смерти...

Я набираюсь мужества и открываю глаза. Он вновь передо мной.

Я спрашиваю:

– Отпуск... кончился?

– Кончился, – отвечает Ангел, – умершим насильственной смертью Он в награду исполняет заветные желания. Я хотел увидеть женщину, которая могла стать матерью моих детей, если бы меня не убили в девяносто третьем...

Я знаю, я не Лариска, мне придется падать на колени, есть за что. Но рукой, держащей меч, он обнимает меня за плечи, целует в лоб, как той, последней ночью в Адлере, и говорит:

– Живи еще, моя девочка!

Взмах крыльев, багряный всплеск, крик птичий, он исчезает... А затем тьма и взрыв боли. И чей-то крик:

– Она жива, есть пульс!

Прежде, чем окончательно потерять сознание, я чувствую, как мое тело пытаются извлечь из-под искореженной плиты металла. Мать спустя месяц рассказала мне, что из пассажиров нашего вагона выжила лишь я одна...

Вчера позвонил Витька, долго и нудно рассказывал про свой «затянувшийся рейс», я не дослушала, мобильник отключила, матери наказала, чтоб на порог не смела его пускать. Мне стало страшно, когда представила, как он заявится со своим обычным джентльменским набором – шампанское, торт, огромный букетище и маленькая бархатная коробочка, будет что-то говорить (ну, что они все говорят в таких случаях?), а потом, когда мать уйдет, начнет меня лапать... Бр-р-р... Этого мне уже не пережить.

Хотя при чем тут Витька, бой-френд мой непутевый, тут совершенно не при чем. Я совсем не об этом хотела вам рассказать, да и не рассказать, а спросить: что мне *с этим* делать, как мне *с этим* жить? Что же вы молчите? Неужели, вы тоже не знаете?

...Вчера я снова была в Свято-Архангельском соборе, виделась с отцом Сергием, он снова утешал меня, говорил, что надо молиться за погибших, за Лариску... А я не умею. Молиться я не умею, и слов, с которыми обращаются к Нему, не знаю... Но я точно знаю другое.

Я стою у иконы Божьей матери и в сотый раз повторяю:

Я точно знаю,
Когда настанет срок и будут сочтены дни мои,
и придет за мной Ангел Смерти,
смело верю я ему душу свою.
И пусть ему спрашивать, а мне отвечать,
и пусть ему решать, в рай мне или в ад,
а мне безропотно склонять повинную голову,
и пусть грозен и непримирим лик его,
и безжалостный меч в руке его,
и страшна кара за грехи мои,
я не боюсь...

Он возьмет меня за руку, поцелует в лоб, словно отец. И избудется горе, утолится печаль, покинет сердце и тоска, и радость, и поселится в нем покой...

И скажет он: «Пойдем за мной, моя девочка...».

Анастасия

Ночь тянулась томительно долго. Чудилось скрипение половиц, стонущих под ногами несуществующих ночных посетителей, неясные тени и непонятные приглушенные звуки. Сто-рожу Петровичу тоже что-то мнилось. За ночь он не раз просыпался и вскакивал. Ковылял по залам, светя фонариком, потом успокаивался, плелся назад в свою каморку, недовольно бурча под нос, что «вот, мол, опять эти приведения или как их там, спать не дают», как будто его, Петровича, здесь держали для того, чтобы за ночь он мог всласть выспаться. Иногда сквозь раскрытую форточку проникал внутрь свежий ветерочек. Пролетев от стены к стене, стремился вновь на волю, а напоследок шаловливо шуршал чем-нибудь – листом вчерашней газеты, забытой на стуле в углу, тюлевой занавеской, преграждавшей путь к зарешеченному окну. Но вот занавеска, взметнувшаяся под порывами ветерка, побеждена, и ничто уже не нарушает сонный покой. И в свои права вступает владычица ночи – Тишина.

Анастасия любила слушать тишину. Раньше всегда казалось, что ее мир наполняют слишком много звуков. И теперь, когда тишина мягкими лапками гладила по лицу, все казалось простым и понятным. Такая мудрость открывалась в тишине, и мечталось, чтобы это состояние длилось бесконечно.

Ночью Анастасии часто вспоминался, словно снился отец. Живо, как будто это было вчера, а не много лет назад, мнилось, что он стоял перед ней, семнадцатилетней, на коленях, протягивал руки и, сверкая безумными глазами, молил:

– Настенька! Не откажи, не откажи! Не позорь отца, не гнечи мать!

«Не мать, а мачеху!» – как и тогда наяву, хотела ответить Анастасия, но скромно молчала, не смея перечить.

Избавление от этих тяжелых воспоминаний приносило утро. Сегодня – яркое, свежее, умытое росой. Его первый солнечный лучик робко проник сквозь окно, занавеску и упал на старые половицы. Желтая дорожка из солнечного тепла пересекла зал, пролилась по полу, в ней зазолотились пылинки, которым вчера удалось скрыться от швабры уборщицы тети Фроси. И Анастасии показалось, что все вокруг заулыбалось – и Миша-Мишутка в противоположном углу, и пузатый самовар на столе, застеленном пожелтевшей о времени кружевной скатертью. И ей самой стало чуть-чуть радостнее и веселее. Анастасия знала, скоро придет Он. Он всегда приходит одним из первых. А она, Анастасия, будет первой, кто его увидит.

Но ночь еще давала о себе знать и от мыслей о Нем, Анастасии вдруг вспомнился муж. Седые волосы клоками на голове, рябое одутловатое лицо, тяжелый взгляд мутных бесцветных глаз... Странно в ее сердце никогда – ни тогда, ни сейчас – не оставалось места для ненависти, неприязни к нему. Жалость – большая и тягучая – огромной волной захлестывала отвращение.

– Он муж твой. А муж жене завсегда голова... – поучала мачеха во время редких визитов Анастасии в дом отца. – Глаза-то спрячь, нече ими сиять, в пол потупись. Да во всем слушайся мужа. Ну, а коли, муж суров, так такова, значит, судьба твоя.

Судьба... Странное какое слово. У каждого своя судьба, говорят. Кому, что на роду написано, тому и быть. Кому, какой жених, какой суженый предназначен, с тем и живи. Да разве Семен – старый, больной, избитый жизнью, деспотичный старик – ее суженый, ее судьба? Сердце сразу подсказало, что в нем гибель ее, а не жизнь, не любовь.

Анастасия тяжело вздохнула. Вспомнилось детство. Рождественские гадания ночью. Матушка жива еще была. Варенька, подружка, в гости зазвала, гадать уговорила. Зеркало бабушкино, старинное, из отцовского сундука стащила. Над страхом Анастасии только смеялась. «Смотри, – говорит, – внимательно смотри, и судьбу свою в зеркале увидишь». Смотрели до одури в зеркальное нутро, несколько свечей зазря сожгли, а когда Вареньку в глубокой ночи

сон сморил, Анастасия увидела Его. Ничего не рассказала наутро подруге, да и ни одной живой душе, ни о том, как правильны черты лица его, как сини глаза, какой огонь в них горит.

Много лет ждала, что увидит все это наяву, даже когда под венец шла, все надеялась. Потом поняла, что зеркало в ту декабрьскую ночь сыграло с ней злую шутку. А когда несколько недель назад увидела Его, увидела и узнала, почувствовала – это Он, это судьба. Это ли не чудо? Неужели так бывает?

Наконец, застучали на крыльце, загремели тяжелым железным засовом. Тяжело вздыхая, отворили входную дверь. Это Василиса Сергеевна, огромная женщина в необъятных черных одеяниях, страдающая одышкой. Неуклюже запнувшись в дверях о забытое тетей Фросей ведро, она проворчала что-то о нерадивости и нерасторопности уборщицы и шумно, не взглянув на Анастасию, прошла сквозь комнату. Не выпавшийся Петрович нелепо засеменил вслед за ней, бормоча что-то в оправдание и своей, и чужой лени. Василиса – начальница, и гнев ее страшен.

Анастасия улыбнулась. Каждый день одно и то же. Идут и ее словно не видят. То ли дело Он. Анастасии казалось, Он ловил каждый ее взгляд и *видал* каждый ее взгляд. Он появился недавно. Говорили непонятные слова о какой-то «практике», далекой Москве и о Московском университете. Анастасия вспомнила, как когда-то давно отец смеялся над неким Кузьмичевым, отправившим своего сына учиться в первопрестольную. И Его, верно, отец благословил на учебу.

В первый день, когда Анастасия в нем узнала, почувствовала того, о ком рассказало зеркало много дней назад, Он остановился около и смотрел на нее долго, так что и вправду, как мачеха говорила, захотелось потупить в пол и спрятать глаза. И с того дня жизнь для Анастасии наполнилась смыслом, красками, а каждое утро ожидалось как праздник, как чудо.

Александр ступил на крыльцо. Трава вокруг сияла росой. Было тихо. Как всегда ранним утром в деревне все дышало сырой свежестью и поражало пустынностью. Мелькнула вдруг мысль: а как, если и вправду, нет больше на свете никого, кроме него, обезлюдело все, и он остался один – он и эта трава, он и это утреннее светило, он и подрагивающие зелеными листьями деревья, что растут много лет вокруг двухэтажного деревянного дома. Но нет, это иллюзия, и не потому, что людей в деревне предостаточно, а потому что стоит только переступить этот порог, и там внутри, в царстве старого дома среди скрипящих половиц и темных окон ждет Она – Анастасия.

Александр открыл дверь. Вошел и поздоровался в пустоту деревянных коридоров. Начальница Василиса вмиг услышала, приоткрыла дверь. Он, было, поспешил к ней, но в самой большой – главной комнате дома, в той, в которой Миша-Мишутка и пузатый самовар на столе, застеленном старинной кружевной скатертью, не в силах был справиться с собой и остановился. Ноги, как в первый день, так и в последний, словно к деревянному полу приросли, сердце остановилось на миг, и дышать стало трудно. Как никогда раньше в жизни. «Мальчишка, мальчишка», – ругал себя Александр, но ничего не мог поделать. А Анастасия отвечала ему таким же завораживающим взглядом, необыкновенным сиянием карих глаз и вечной загадкой, которую разве мужчина в силах постичь? Жизни не хватит.

Анастасия в душе улыбалась. Утро, как и мечталось ночью в тиши, подарило новую встречу с Ним. И никто не помешает, даже Василиса, что, не дождавшись Александра в своем кабинете, прибежала сама, засуетилась, сыпя непонятными словами, которых ни Александр, ни Анастасия будто и не слышали.

Он думал о том, что наступил последний день, сегодня в ночь поезд умчит его в Москву навсегда, и не увидит ему больше этих глаз, этой тяжелой смоляной косы. Вспомнилось, как в первый раз глядя в эти глаза, он почему-то представил бескрайнее ромашковое поле и небо, бездонно голубое, в котором затерялся желтый бумажный змей, склеенный отцом в подарок на его десятилетие. А в Москве со дня на день тяжелая защита. И научный руководитель, кото-

рый так «вовремя» улетел в Швейцарию. А в Москве невеста, о которой ни минуты не думалось без досады и сожаления о поспешном выборе. А глупая идея бросить все – и кандидатскую, и научного руководителя с его заманчивыми предложениями зарубежной стажировки, и невесту с нерусским именем Илона, и квартиру, что ее родители приобрели так своевременно в спальном районе столицы, и приехать сюда, в глухую провинцию – преподавать или заведовать этим заброшенным и богом забытым краеведческим музеем... чтобы каждый день видеть Ее... Глупая идея, но как от нее избавиться?

– Проходите, проходите! Смелее, да не толкайтесь, всем в нашем музее места хватит! – раздался громкий, зычный голос Елизаветы Сергеевны, заместительницы начальницы Василисы.

У входной двери вновь застучали, загремели, и через минуту в комнату забило, затолкалось, шумя и гомоня, десятка два десятилетних школьников – мальчишек с озорными глазами и девчонок с растрепанными косами.

– Васильев! Не смей прикасаться к чучелу медведя, он у нас и так ветхий! Девочки, не ссорьтесь! – запричитала на детей Елизавета, которую детские группы экскурсантов всегда заводили сверх меры.

Но дети, заметив незнакомого им Александра, и сами уже утомонились, встали полукругом. А Елизавета, как всегда заунывно и заученно начала, словно запела:

– Вы находитесь в старинном доме купца Ерохина. Два столетия назад этот дом был самым богатым в нашей деревне, а хозяину его – Семену Петровичу Ерохину принадлежали все лавки в округе. Торговал он всем потребным в крестьянском хозяйстве – и...

Мальчик по фамилии Васильев, которого в этой комнате больше всего интересовал медведь – унылое бурое чучело в углу – тяжело вздохнул: байки о купце Ерохине весь класс давно уже знал наизусть. Васильев решил было дернуть Катю Смирнову за косу, но та злобно шикнула на него, и мальчику ничего не оставалось, как слушать рассказ экскурсовода дальше.

– За этим столом семья Ерохиных собиралась за ужином. Бережлив, скуп, да жаден до денег был Семен Петрович, а на портрет своей молодой красавицы жены не поспешил – пригласил художника из губернского центра. Дети, можете подойти ближе! – Елизавета, вооружившись указкой, повела своих притихших экскурсантов к стене, на которой висел старинный портрет в тяжелой позолоченной раме.

– Лют был Семен Петрович. Через год, как написал этот портрет вятский художник, умерла с тоски и горя его молодая жена. А звали ее Анастасия...

Беседка

– Не проходите мимо! Пойдите, девушка!

Питер. Жаркий, совсем не питерский, полдень. Солнце, победившее невскую прохладу и поджарившее каменное чрево северного города. Странная, непредсказуемая для многолюдного мегаполиса, совершенно иррациональная встреча с молодым человеком по имени Дмитрий в двух шагах от Гостиного двора. И еще этот старик – сгорбленная фигура, пронзительный взгляд и добрая улыбка на морщинистом лице:

– Пойдите, девушка! Купите картину!

Мгновение и бывший однокурсник, бывший друг, бывший бойфренд по имени Дмитрий делает шаг вперед, узнает и, с насмешкой шурясь на солнце, лениво спросит: «Ну, и как ты поживаешь, Стрельцова? Не ожидал тебя встретить! Вообще не предполагал, что ты еще в Питере. Думал, ты уже на историческую родину укатила».

– Девушка! Посмотрите! Вам понравится, – старик настойчив так же, как это солнце.

И Марина обернулась. Подошла к старику, подумала, что за рядами самодельных стеллажей с живописными полотнами в грубых рамках можно спрятаться не только от жары, но и от молодого человека, с которым больше ничего не связывает.

И Дмитрий ее не заметил, прошел мимо. Какое-то время, пока он не затерялся в толпе, Марина следовала за ним взглядом. Взглядом абсолютно безнадежным...

Произведение живописного искусства неизвестного художника странно смотрелось на фоне ободранных стен комнаты в студенческом общежитии, которую она покидала в спешном – пожарном порядке. Вечером – в поезд, чемодан совершенно неподъемен. Может, подарить картину вахтеру Семенычу на память о Маринке Стрельцовой – неудавшейся студентке Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна? Ну, уж нет, воспоминание о последнем дне в северной столице дороже, чем о двух семестрах сразу.

И вот картина красуется на верхней полке купе, единственная попутчица и заглянувшая на минутку проводница любят вид на запущенный, сонный парк. В предраассветной дымке смутно угадываются заросший прудик, склоняющиеся над зеркальной водной поверхностью ивы, уточка, плывущая вдоль берега. А вдали, на противоположном берегу прудика – беседка, нежное кружево из белоснежных колонн под золотистым куполом. Идиллия... Что за бред – так шиковать на последние купюры? Не иначе – подарок родственникам? Только обрадует ли родителей такой подарок, а, главное, известие о возвращении блудной дочери? Вряд ли.

Соседка – такая же провинциалка, как и Марина, что-то мило щебечет о своих впечатлениях от Питера. Вагон мерно покачивается в такт движению поезда. А Маринка все думает и думает: что ждет ее впереди? С питерской жизнью покончено раз и навсегда, мобильный телефон отключен...

И вот дом – милый дом. Вещи разобраны, подарки из северной столицы торжественно вручены родственникам, шедевр самодеятельной живописи водружен на стену в Маринкиной комнате.

Как ни странно, родители приняли известие о бесславном возвращении дочери намного спокойнее, чем она ожидала. Отец только нахмурил брови и сурово изрек:

– Не получилось из тебя студентки – работать, значит, пойдешь.

– Ну, неделю хоть отдохнуть дайте... – притворно-жалобно заканючила Марина, в глупине души радуясь, что так легко отделалась, и туча стороной прошла.

– «Недельку»? Нет уж, завтра же тебя куда-нибудь пристрою, хоть дворником, но баклуши ты у меня бить не будешь!

Райцентр Нечкино – по-питерским меркам та еще дыра, в выборе достойного места работы не разбежишься, его – этого выбора просто нет. И если твой отец заведует отделом культуры в местном исполкоме, дорога тебе одна, не в дворники, так в... библиотекарю.

Районная библиотека разместилась в одноэтажном каменном здании на окраине центральной и, что уж душой кривить, единственной улицы села. Внутри – позади двух столов (один – для старшего библиотекаря Елизаветы Петровны, другой – для читателей) тянулись длинные ряды деревянных стеллажей, заставленных книгами, чем дальше ряд, тем более запыленными. За лабиринтом стеллажей скрывалась небольшая каморка, для читателей – словно тайная комната, потому что так далеко по книжным рядам никто не бродил. В каморке – покосившиеся облезшие шкафы каталогов, стол, два стула, на столе – чайник и вазочка с брусничным вареньем. Раздолье для хозяек библиотеки. В этой каморке Елизавета Петровна – улыбающаяся пожилая женщина, настоящая библиотечная долгожительница и разместила свою юную преемницу. Разбирать каталог, проводить сверку инвентарных книг и инвентаризацию новых книжных поступлений – что еще делать? Благо, посетителей в библиотеке в середине лета почти нет. И, конечно, пить чай с брусничным вареньем под бесконечные рассказы-наставления Елизаветы Петровны – о библиотеке и ее истории, книжном фонде и погоде.

Тоска! Особенно тяжело Маринке дался первый рабочий день. После третьей чашки чая, второй вазочки варенья и четвертого заполненного листа толстой инвентарной книги ей пришлось в голову, что, пожалуй, следовало более основательно готовиться к летней сессии. Не провалилась бы на экзаменах, гуляла бы сейчас по Питеру и не торопилась домой к родителям на каникулы. Студенту, ведь, как известно, главное – точно определиться, когда гулять, – до сессии или после. Вот эти «до» и «после», Маринкой перепутанные, судьбу и определили.

Накануне второго рабочего дня девушке не спалось. Она долго ворочалась в постели, заснула только под утро. И приснился Марине сон. Занимался рассвет, предрассветный туман шапкой накрывал первые несмелые солнечные лучи. От воды тянуло студеной прохладой, до жаркого полдня еще далеко. Но Марину влекло к реке неумолимое, непонятное любопытство, как заветное желание, которое непременно нужно исполнить.

– Аннушка! Не бойся! Здесь мелко... Вброд пройдем... – звал кто-то высоким мальчишеским голосом.

Босые ноги обожгло холодной водой, подол длинного фиолетового платья намок, но Марина упрямо следовала... за старшим братом.

– За мной, Аннушка, не бойся...

В резком звонке будильника чужое имя растаяло, и Марина проснулась. Странный сон. Предрассветные прогулки на реке и... старший брат. «Нет, хороший сон», – решила Марина, единственная дочь у родителей, вспомнив, как в первом классе просила у Деда Мороза старшего брата.

Начальница Елизавета Петровна, как и в первый день, встретила девушку приветливо, но вместо вазочки с вареньем вручила очередную инвентарную книгу. К обеду, изнывая от тоски и скуки, Марина осилила половину книги и решила развлечь себя прогулками между узкими книжными рядами. Фонд Нечкинской районной библиотеки не отличался разнообразием: русская классика, учебники и учебные пособия – от программы начальной школы до справочников для трактористов, масса литературы о сельском хозяйстве, истрепанные томики с детективными и женскими романами, пожелтевшие подшивки областной газеты... Н-да, новинками современной литературы тут явно не разжиться! А о любимом чтиве любой девушки – последних номерах глянцевого журнала 2012 года и говорить не приходится.

– Скучно тебе, Марина? – глаза Елизаветы Петровны светились проницательностью. – А нам выставку пора менять. Может, займешься?

У входной двери в библиотеку, на показ читателям был установлен небольшой стеллажик. «Вяжем всей семьей» – книжная выставка под таким названием красовалась на нем уже не первую неделю.

– «Легенды села Нечкино» – такая тема тебя не заинтересует? – спросила Елизавета Петровна.

Марина красноречиво промолчала (Какие легенды?!).

– Смотри, что я недавно получила, – сказала библиотекарь и с одного из стеллажей извлекла два глянцевого фоллианта.

– Два тома «Истории искусства русского зарубежья». Посмотри, может быть, ты найдешь что-нибудь интересное ...о нашем Нечкино.

– Вы шутите? – обиделась Марина.

Но Елизавета Петровна, вручая своей подопечной книги, загадочно улыбнулась.

«Что общего у русского зарубежья и села Нечкино?» – думала Марина, расположившись за столом в библиотечной каморке и рассеянно перелистывая красивые цветные страницы. Перед ее взором неспешно мелькали иллюстрации картин, изображения скульптур, портреты их авторов, статьи с биографическими справками... И вдруг одна иллюстрация на целый печатный лист привлекла внимание девушки. Заросший пруд, наивная и прелестная утка, плывущая вдоль берега. «Где я это уже видела?» – удивленно подумала Марина.

А название картины повергло в настоящий шок – «Нечкинский пейзаж». «Где у нас в Нечкино такой пейзаж?» – думала Марина, напряженно разглядывая иллюстрацию. Река, что текла в километре от села, совсем не напоминала нарисованный водоем. Но почему мне так знаком этот пруд? И вдруг яркой вспышкой девушку озарила догадка. На стене в собственной комнате – вот где я видела этот пейзаж! Тот же рисунок неровных бережков, так же изогнуты ивы, склонившиеся над гладью прудика, та же мягкость красок предрассветного тумана! Вот только... только чего-то не хватает... Ну, да, на иллюстрации картины отсутствует беседка. Марина облегченно вздохнула. Все ясно, самодеятельный питерский художник, скопировавший это известное полотно, решил пофантазировать. Ну, надо же какое совпадение!

Дверь в каморку заскрипела и отворилась, а Елизавета Петровна с той же загадочной улыбкой на лице поинтересовалась:

– Уже догадалась, Марина, что я имела в виду?

– Да, кажется... Вот этот Нечкинский пейзаж.

Елизавета Петровна включила электрический чайник и наполнила вазочку новой порцией варенья.

– А имя автора картины тебе ни о чем не рассказало?

– «Нечкина А. С.», – прочитала подпись под иллюстрацией Марина.

– Да-да, Нечкина, – подтвердила библиотекарь, разливая чай себе и Марине. – Анна Семеновна Нечкина. Спросишь, почему ее фамилия совпадает с названием нашего села? Ничего удивительного. Лет сто тому назад Нечкино было родовым именем...

– ...помещиков Нечкиных, – догадалась Марина.

– Именно. После революции судьба забросила Анечку Нечкину во Францию и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.